

Сян Мо управился удивительно ловко: голова уже покоилась на подушке, а в руке поблескивал пузырек с глазными каплями. Потряс им перед Хуай Янем — мол, давай, капай.

Хуай Янь застыл у кровати, покачивая головой. И смех и грех. Но именно таким — взбалмошным и непосредственным — Сян Мо шаг за шагом сближался с образом Чжу Чэньюаня. Тот тоже с самого первого дня знакомства вечно заставлял Хуай Яня теряться между досадой и невольной улыбкой.

Хуай Янь до сих пор отчетливо помнил их первую встречу. Это было на торжественном собрании. Чжу Чэньюань, тогда еще сотрудник Службы мониторинга подземной реки в Подземном городе, предотвратил крупную катастрофу на Подземной реке, за что и удостоился публичного поощрения.

Хуай Чжэнцин, как главный руководитель Службы, привел на церемонию и сына.

Прежде Хуай Янь избегал подобных официозных соборщ, но отец настоял: пора вникать в дела, ведь в будущем управление должно было перейти к нему.

До того дня Хуай Янь даже не слышал этого имени.

Вручать награду изначально должен был сам Хуай Чжэнцин, но в последний момент протокол изменили, и на сцену отправили Хуай Яня.

Хуай Янь сидел в самом центре первого ряда и наблюдал, как этот человек — выправка безупречная, костюм сидит идеально — поднимается на трибуну. То ли показалось, то ли нет, но в его поступи сквозила странная, еле уловимая тяжесть, словно Чжу Чэньюань изо всех сил пытался что-то скрыть. Движения казались скованными, почти одеревеневшими — так шагает человек, долгое время пролежавший в параличе и лишь недавно вновь обретающий способность ходить.

Каждый его шаг давался с ощутимым трудом: он поднимал и опускал ногу медленно, весомо, чеканя каждый след с въедливой основательностью.

Хуай Янь запомнил ослепительно-белый софит, выхвативший фигуру награждаемого из полумрака.

Лишь когда эта подтянутая, статная фигура замерла перед микрофоном и повернулась к залу, Хуай Янь смог разглядеть его лицо.

Четко очерченные, мужественные скулы, суровый, ледяной разлет бровей и пронизывающий взгляд. Но едва этот взгляд нашел среди публики Хуай Яня, холод мгновенно испарился, уступив место неожиданному, ласковому теплу.

Поначалу Хуай Янь списал это на обычное смущение — человеку на сцене просто требовалось зацепиться взглядом за кого-то одного. Но нет. Даже когда ведущий попросил Чжу Чэньюаня сделать пару шагов в сторону, его глаза снова и снова возвращались к Хуай Яню.

И с каждым разом этот упрямый прицельный взгляд становился всё тверже. В нем чудилось дыхание ранней весны: будто оседают и тают сугробы, скопленные за долгие месяцы лютой зимы, а в ярко-синем высоком небе над залитыми солнцем горными кручами разливается долгожданный зной.

Впрочем, настоящей зимы и настоящей весны Хуай Янь никогда в жизни не видел — лишь на старых пленках. Но именно эти кинематографические образы вспыхнули в его памяти в то мгновение.

Диктор объявил имя Хуай Яня. Тот подхватил конверт с премией, бархатную коробочку с орденом и поднялся на подмости.

Чжу Чэньюань не спускал с него глаз ни на миг. Лишь подойдя ближе, Хуай Янь ощутил, какой обжигающий, пышущий жаром пыл исходит от этого мужчины.

Ему казалось, он слышит его прерывистый вдох и бешено колотящееся сердце.

Воспитание обязывало Хуай Яня сохранять безупречную, мягкую светскую улыбку. Протягивая награду и правую руку, он произнес:

— Поздравляю, господин Чжу. Вы отлично поработали...

Но едва их пальцы соприкоснулись, Хуай Янь едва не отдернул ладонь: кожа Чжу Чэньюаня обжигала, а хватка оказалась влажной от пота.

Мужчина сжал его пальцы с такой силой, что высвободиться с ходу не удалось. Хуай Янь лишь удержал на лице вежливое выражение.

Зал взорвался аплодисментами. Хуай Янь слегка повернулся к публике, так что никто из присутствующих не заметил этой заминки.

Чжу Чэньюань продолжал сжимать его ладонь. Хуай Янь чуть подался к нему и шепнул так, чтобы услышал только адресат:

— Если сейчас же не отпустите, я стану звать на помощь. И тогда торжественное собрание обернется совсем иным мероприятием.

Чжу Чэньюань держал его руку просто от ошеломления. Осознав сказанное, он тут же

отпрянул, подобрал пальцы и сжал ладонь в кулак, с силой вдавив подушечки в горячую кожу.

Хуай Янь незримо размял затекшие суставы и сошел со сцены.

Вечером на банкете Чжу Чэньюань появился в строгом вечернем костюме; безукоризненный крой подчеркивал его статную, высокую фигуру. Скользя взглядом по залу, Хуай Янь то и дело замечал, что тот находится в самом центре внимания, окруженный гостями.

И все же Чжу Чэньюань выкроил минуту, улучил момент и подошел к углу, где Хуай Янь беседовал со знакомыми.

Удивительно, но его взгляд и этот глухой стук сердца Хуай Янь запомнил с первой же секунды. Еще не обернувшись, по одному лишь приближению за спиной он уже знал: идет Чжу Чэньюань.

Хуай Янь не мог не видеть: этот человек очарован им. И симпатия его была не тихим ручейком, а настоящим штормом, бушующим в самом сердце океана.

Поклонников у Хуай Яня всегда хватало с избытком, да и пылкие ухажеры, с порога бросавшиеся в атаку, встречались не раз. К подобным вещам он давным-давно привык.

Поэтому, когда Чжу Чэньюань попытался пригласить его на ужин, Хуай Янь отрезал сразу, прибегнув к излюбленной отговорке: слишком много дел, свободного времени нет.

Под конец вечера Чжу Чэньюань порядком захмелел. Он поджидал у главного выхода, держа в руках пышный букет алых роз. Проходившие мимо гости решали, что цветы преподнесли ему самому, и со смехом подшучивали: мол, железо зацвело, надо не упустить шанс!

Хуай Янь выходил одним из последних. Заметив, как Чжу Чэньюань махнул ему рукой с заднего сиденья автомобиля, Хуай Янь велел шоферу подкатить к нему.

— Слышал, вам нравятся розы, — смущенно произнес Чжу Чэньюань, протягивая охапку. — Я только что достал.

Комендантский час давно наступил; где он ухитрился раздобыть свежие цветы среди ночи, оставалось загадкой.

— Если сейчас вы заняты... может, через несколько дней? В следующем месяце? Или через месяц? Через три? Можно мне занять очередь?

Нелепое упрямство и трогательная наивность этого гиганта вызывали невольную улыбку. Хуай Янь тихо, серебристо рассмеялся, и этот чистый звон на мгновение завис в ночном воздухе.

Цветы он не взял, конкретной даты не назвал, но про себя подумал: забавный человек.

— Если в этом году не выйдет, я подожду до следующего! — донесся с улицы отчаянный возглас, когда машина плавно тронулась, а стекло подъемника поползло вверх.

Годом больше, годом меньше — какая разница.

— За следующий год не поручусь, — с наигранным равнодушием бросил Хуай Янь, скользнув по нему ленивым взглядом, но всё же смягчился: — Спросишь в следующем месяце.

— Тогда до следующего месяца! — Чжу Чэньюань, получив хоть какой-то туманный шанс, просиял и активно замахал букетом вслед.

Хуай Янь ничего не ответил, поднял стекло до конца, и машина умчалась.

Автомобиль быстро набирал ход. В зеркале заднего вида долго маячила одинокая фигура с цветами на обочине, пока окончательно не растаяла в темноте.

И именно в тот миг Хуай Янь осознал: этот пристальный, полный тоски взгляд Чжу Чэньюань устремлял на него, должно быть, бесконечное число раз — настолько глубокое, беспросветное одиночество уже успело впитаться в самую его суть.

Откуда у него возникло такое странное чувство?

Хуай Яню вдруг стало немного жаль, что он не назвал точного дня. До следующего месяца было еще так далеко...

Хуай Янь сжал в пальцах флакончик и опустился на край кровати. Чуть наклонившись к лежащему, он тихо произнес:

— Когда Чжу Чэньюань встретил меня впервые, он, прямо как Чжан Вэйшань, преподнес букет роз.

— И ты взял?

— Нет.

— Цветы на первой же встрече... Ну и банальщина, — Сян Мо облизнул пересохшие губы и безапелляционно фыркнул.

Хуай Янь не стал спорить. Пальцами аккуратно раздвинув веки Сян Мо, он отсчитал по капле в каждый глаз.

Прохладная влага обожгла роговицу. Сян Мо сомкнул веки и слегка завращал глазными яблоками.

А когда снова открыл глаза, всё перед ним поплыло, затянутое пеленой слез. Лицо Хуай Яня превратилось в смутное, нечеткое пятно. Пальцы Сян Мо на простыне судорожно дернулись. В ту секунду, когда он потерял из виду черты стоящего рядом человека, из самой глубины груди хлынула необоснованная, паническая тревога. Ужасно захотелось поднять руку и прикоснуться к его щеке...

Едва он приподнял кисть, как капли вместе со слезами скатились к вискам. Водянистые разводы растаяли, и безупречный, словно сошедший с картины лик Хуай Яня снова обрел чёткость.

Сян Мо сменил движение: тыльной стороной ладони смахнул слезы у глаз, опираясь на локти, сел на постели и сдержанно буркнул:

— Спасибо.

— Пустяки. Как глаза?

— Намного лучше, — Сян Мо похлопал ресницами. — Почти не чешутся.

Договорив, он заметил, что влажные после мытья волосы успели насквозь пропитать подушку. Сян Мо торопливо сдернул наволочку, достал из шкафа свежий подушечный блок, натянул чистый чехол и уложил всё обратно.

Похлопав по мягкому боку и убедившись, что всё в порядке, он поднялся:

— Время позднее. Отдыхай.

— Сян Мо, — окликнул его Хуай Янь. — Есть вещи, которые въедаются в самую плоть и кровь. Ты чувствуешь это?

Сян Мо застыл, не сразу сообразив:

— О чем ты?

Хуай Янь молча смотрел ему в спину.

Сян Мо не стал оборачиваться. Он заставил себя подавить подступавшие, пугающе яркие картинки прошлого — завтра ждали важные дела, и провоцировать очередной приступ головной боли совсем не хотелось.

— Доброй ночи, — пробормотал он и направился к двери.

Хуай Янь всё так же неотрывно смотрел ему вслед:

— На второй встрече Чжу Чэньюань снова принес букет. И в тот раз я его принял. А моя рубашка... она вся вымазалась в песке у Подземной реки и вымокла в речной воде. Я всегда думал, что мне нелегко полюбить кого-то. Уж точно не так быстро. Но некоторые чувства будто суждены с первого взгляда. В тот же вечер мы оказались в одной постели.

<http://bllate.org/book/20433/2131843>